

- Варлам Шаламов писал: «Забвение пережитого – смерть души». Человек, чьим пережитым стали, в частности, шестнадцать лет исправительных лагерей. Страшные года, страшные условия, страшные страницы советской истории. Тем не менее, мы не можем забыть обо всём этом ужасе и смерти: забвение о человеческих смертях повлечёт за собой смерть человеческой души. Как парадоксально это может прозвучать сначала, но как это, оказывается, вдруг правдиво.

Конечно, пережитое не ограничивается одной только смертью. Пережитое – это вся история наша в целом; история же – общечеловеческий опыт. Это череда смертей и снова жизней, ужасов и восторгов, вошедшая, однако, в фундамент эпохи, в которой мы находимся сейчас. Фундамент одновременно означает и абсолютную основу, то есть, вещь первостепенной важности, но вместе с тем и то, от чего мы так давно отошли и уходим всё дальше. Но в этом и мысль Варламова: как бы далеко мы ни отошли от этого фундамента, от «пережитого», нельзя его забывать.

Мы ведь не сможем адекватно воспринимать ни настоящее, в котором живём, ни будущее, к которому так стремимся и в каком-то смысле существуем тоже. А происходит это, когда упускается первое звено – важность «пережитого», по сути уже ушедшего в прошлое. Человек забывает, чьим слезами пропитана земля, по которой он ходит и в которую так глубоко зарыл уже будто бы не своё прошлое. Зарыл прошлое – практически зарыл собственную душу. Именно сквозь неё проходят чувства, воспоминания, волнения – чему же проходить, когда всё спрятано? Человек без души подобен абстракции, как абстрактно и время, которое он проживает. Настоящее ли это? Проявления жизни, обречённые предаться забвению, теряют смысл в

моменты их совершения; жизнь сама – некий образ без чувств. Это Омелас, обрисованный Урсолой ле Гуин, где оторваны друг от друга память о пережитом, о страдании чужого человека и настоящим, превратившимся в абстракцию рая. Это же и площадка котлована, где ценность чувства утеряна вместе с жизнью. Люди ждут своей смерти под давлением бесчувственного настоящего и пытаются мечтать о лучшей жизни для других – замкнутые в прошлом ради неясного будущего. «Но дневное время проживается одинаковым, сгорбленным способом – терпением тела, роющего землю, чтобы посадить в свежую пропасть вечный, каменный корень неразрушимого зодчества». Так, самым живым у Платонова будет, конечно же, Вощев, не потерявший ещё совсем нить с прошлым – через хранение древностей.

Человек только тогда может зваться живым, *одушевлённым* существом, когда он может испытывать эмоции, ощущать время. В трёх его проявлениях. И прошлое, «пережитое», в том числе. Неслучайно нам дана память: воспоминания о «безумии и ужасе» войны словами Андреева, чтобы не узнавать об этом только пройдя через это самому, переживания элементарно собственной жизни и людей, давших эту жизнь, они указывают на какой-то новый путь. А без опыта «пережитого» никакого пути и не будет. Только его образ, картинка, на которой не виден конец.